

Ценности в нравственном измерении права: полемика с А. В. Поляковым в трудах П. П. Серкова — взгляд петербургской школы

Н. М. Кропачев, В. В. Архипов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Кропачев, Николай М., Владислав В. Архипов. 2023. «Ценности в нравственном измерении права: полемика с А. В. Поляковым в трудах П. П. Серкова — взгляд петербургской школы». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 854–871. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.402>

В статье представлена общая характеристика трех монографий профессора Петра Павловича Серкова: «Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования)», «Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики). Часть первая: Правовая доктрина и меры правовой политики» и «Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики). Часть вторая: Обобщение юридических опытов восхождения к человеку, обществу и государству». Отдельные ключевые положения первой из этих монографий анализируются с учетом полемики с петербургской школой философии права, представленной коммуникативным подходом к праву А. В. Полякова, и ее отражением на страницах этих монографий. Авторы подчеркивают, что проблема соотношения права и морали является ключевой как в юридической теории, так и в юридической практике. Особую актуальность данный вопрос приобретает в свете целей и задач, определенных Основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809. Морально-нравственные ценности должны учитываться в процессе правотворчества, правоприменения, толкования права как раз потому, что ценностный аспект в праве, выражающийся в его нравственном измерении, составляет неотъемлемую часть самого права или необходимое условие его существования и функционирования — эта идея объединяет труды как профессора П. П. Серкова, так и профессора А. В. Полякова. Более того, несмотря на критику А. В. Полякова, представленную в монографии П. П. Серкова, между позициями исследователей, на взгляд авторов статьи, можно усмотреть больше сходств, чем отличий. Это касается и общей методологии, и отдельных положений, относящихся прежде всего к представлениям о значении морали (нравственности) для правовой системы, о субъекте права, о принципе взаимного правового признания.

Ключевые слова: право, мораль, нравственность, ценности, теория права, философия права, коммуникативная теория права.

1. Введение

В центре настоящей статьи находятся идеи, высказанные доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом РФ Петром Павловичем Серко-

вым, автором фундаментальных книг по острым проблемам теории права и проблемам практической актуализации теории права, к числу которых относятся в первую очередь «Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования)» (Серков 2020), «Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики)». Часть первая: Правовая доктрина и меры правовой политики» (Серков 2023а) и «Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики)». Часть вторая: Обобщение юридических опытов восхождения к человеку, обществу и государству» (Серков 2023б). Величие авторского замысла, направленного на раскрытие всех возможных теоретических нюансов правоотношения в контексте их практической актуализации, воплощается более чем на двух тысячах страниц, и потому в рамках одной публикации можно претендовать лишь на скромное отражение отдельных полемических аспектов, лишь оттеняющих то значение, которое рассматриваемые труды имеют для отечественной юридической науки как части общей правовой системы в наиболее широком смысле этого слова, подразумевающим непосредственное вовлечение в объем понятия фундаментальных пластов правосознания и правовой культуры. Тем не менее уже сама избранная автором проблемная область, связанная с теорией правоотношения, обладает непреходящей актуальностью.

В контексте полемического рассуждения, предлагаемого в настоящей статье, особого внимания заслуживает и сама творческая личность автора (тем более что данный аспект не может быть проигнорирован в свете методологических императивов постклассической научной рациональности, требующих учитывать не только содержание идей, но и их источник и контекст). Как судья, член Президиума и первый заместитель Председателя Верховного Суда РФ, П. П. Серков является юристом-практиком в высшем смысле этого слова. В то же время из-под его пера в свет выходят книги, по своим методологии, высочайшему уровню теоретичности (в хорошем смысле слова) и содержанию соответствующие тем стандартам, которые предъявляются к действительно фундаментальным трудам по теории права. Это редкость и в то же время показатель зрелости нашей правовой системы. Однако мы осмелимся не согласиться с В. Н. Синюковым, автором одного из предисловий к книгам П. П. Серкова, отметившим: «Петр Павлович Серков будет малопонятен современным теоретикам права, так как его творчество — сопоставление классической правовой доктрины со здравым смыслом судьи» (Синюков 2020, 15). Напротив, мы уверены в том, что именно П. П. Серков будет понятен как раз *современным* — в подлинном смысле этого слова — теоретикам права, исследования которых опираются на междисциплинарную методологию и ориентированы на практику не в силу той презумпции, что только одностороннее применение формально-юридического метода позволяет описать подлинную правовую реальность в ее единственно возможном измерении, а в силу применения различных современных методов для поиска реальных ответов на актуальные вызовы права. Именно это обстоятельство подтверждает всех академические достоинства его работ. В то же время мы полностью согласны с В. Н. Синюковым в следующем: «Творчество П. П. Серкова стало новым и интересным явлением в литературе по праву. Отечественную науку не удивишь трудами юристов-практиков, которые в дореволюционные и советские времена выступали с академическими сочинениями. Однако надо признать, что в России судьи все же никогда не задавали тон в боль-

ших академических дискуссиях, чаще концентрируясь на отдельных аспектах судопроизводства, материального права и организации правосудия. В отличие от англо-американской доктрины, основанной на судебном правотворчестве, континентальная законодательная традиция отводит судьям роль правоприменителей с неизбежными рамками толкования действующего законодательства» (Синюков 2020, 8).

По своему содержанию книги П. П. Серкова сложны и многоаспектны. Идеи, представленные в них, обладают безусловной значимостью, но их ценность обусловлена полемическим изложением многих точек зрения — как правоведов, так и представителей иных областей научного знания, и социально-гуманитарных, и многих других. Например, та книга «Правоотношение. Нравственность современного правового регулирования», на которую хотелось бы обратить наиболее пристальное внимание в свете проблемы нравственного измерения права, представляет собой своего рода «энциклопедию» подходов к проблеме соотношения права, морали и нравственности. Этим объясняется и то, что в одной статье достаточно сложно затронуть все вопросы, поднятые автором на страницах как указанной, так и других его работ. Мы остановимся на отдельных полемических аспектах, связанных с подразумеваемым на страницах книги диалогом с петербургской школой философии права. Данные полемические аспекты в целом сосредоточены вокруг проблемы соотношения права и морали.

Проблема соотношения права и морали (в широком смысле слова) — центральная проблема философии права. С теоретической точки зрения она связана с известным «разделительным тезисом» юридического позитивизма, который предполагает исключение морали из предмета рассмотрения юридической науки — «чистого учения о праве». В то же время даже с позитивистской точки зрения речь идет о том, что именно включать в предмет юридической науки, а не о том, могут ли законы быть подвергнуты моральной оценке либо может ли быть установлена та или иная связь между правом и моралью в реальной картине социальной жизни с междисциплинарной точки зрения. Так, юридический позитивизм подразумевает «четкое разделение между описанием и оценкой» (Булыгин 2016а, 13), но «в таком разделении имплицитно признается, что слово “право” не следует использовать как термин для выражения одобрения (что делается многими авторами), поскольку право является продуктом деятельности людей и в качестве такового может быть хорошим и плохим, справедливым и несправедливым» (Булыгин 2016а, 13). При этом «никто не отрицает, что между правом и моралью существуют многосторонние связи: исторические, социальные, политические и т. д. Но тезис о разделении отрицает необходимую (логическую или концептуальную) связь между этими двумя общественными явлениями» (Булыгин 2016б, 38). Цитаты классика позитивистской мысли приведены для того, чтобы пояснить, что сама по себе проблематика морали (и, добавим, нравственности) в его связи с правом не отрицалась даже позитивистами, а лишь выносилась ими за рамки «строгой» юридической науки.

Кроме того, вопрос о соотношении права и морали никогда не был исключительно умозрительным — например, в середине XX в. он вновь был остро поставлен в философии права в контексте проблемы определения подходов к тому, как суды послевоенной Германии должны расценивать нацистское законодательство

и принятые в соответствии с ним судебные решения. В этом смысле весьма показательна была дискуссия Г. Харта с Л. Фуллером 1958 г., поводом к которой «послужил вопрос о том, как судам послевоенной Германии следует расценивать нацистское законодательство. Источник проблемы лежал в области юридической практики: судьи считали недопустимым применение нацистских статутов, которые могли послужить оправданием для людей, совершавших недопустимые с точки зрения морали поступки (так, авторы статей обратились к примеру жены, пожелавшей избавиться от мужа и использовавшей для этого механизм доноса, предусмотренный нацистским законодательством). Кроме того, оправдание подобных членов общества грозило потерей всякого уважения к праву и правосудию со стороны населения и началом “народных расправ”. Но при этом судебные решения не могли оставаться без должного обоснования. Источник проблемы лежал в области юридической практики, но ее решение надлежало искать в области теории» (Архипов 2005, 102). Юридический позитивизм, предлагая сохранить представление об указанной нормативной системе как правовой, рекомендовал принятие ретроспективного статута, признававшего такой донос преступлением, юснатурализм подвергал сомнению саму возможность считать нацистскую систему правовой и предлагал решение, основанное на такой оценке. Опять же, мнения школ мысли различались, но в одном они сходились: моральная оценка права может и должна влиять на правовую действительность.

В современной российской юриспруденции проблема соотношения права и морали становится особенно актуальной в свете принятия Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809¹ (далее — Основы государственной политики). В соответствии с п. 4 Основ, традиционные ценности определяются как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России». Внимание политической власти к традиционным духовно-нравственным ценностям означает также внимание к нравственному измерению права. Как можно обобщенно отметить, «с точки зрения теории права традиционные духовно-нравственные ценности являются разновидностью ценностей как таковых и задействованы в процессе восприятия (интерпретации) правовых текстов, подразумевающим эмоционально-ценностный аспект. Отражение традиционных духовно-нравственных ценностей в правовых текстах подразумевает возможность обращения к ним в сложных случаях толкования права и разработки моделей юридической аргументации, определении того, в каком именно аспекте спорный предмет правоотношений имеет ценностную природу и в чем она выражается» (Кропачев, Архипов 2023, 304). Однако эта характеристика затрагивает лишь вершину проблемы: морально-нравственные ценности должны учитываться в процессе толкования права как раз потому, что ценностный аспект в праве, выражающийся

¹ Здесь и далее все ссылки на российские нормативно-правовые акты, иные документы и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 1 декабря, 2023. <http://www.consultant.ru>.

в его нравственном измерении, составляет неотъемлемую часть самого права или необходимое условие его существования и функционирования (последняя оговорка добавлена для того, чтобы отразить мнение последовательных позитивистов, настаивающих на отграничении права от морали для целей построения научных концепций, но признающих необходимое взаимодействие между ними).

Нам кажется, что именно эта идея, соответствующая интегративной методологии петербургской школы философии права, пронизывает и труды П. П. Серкова, работы которого находятся в центре внимания настоящей статьи. В этом контексте предлагаем обратить внимание на общий тезис и ключевые аспекты полемики, а затем проанализировать дискуссию с точки зрения ее основных положений, касающихся права, морали и нравственности, представлений о субъектах права и концепции взаимного правового признания.

2. Основное исследование

2.1. *Общий тезис и ключевые аспекты полемики*

Хотя В. Н. Синюков и отмечает, что «эта тема (правоотношение, его механизм и правовое регулирование в целом. — Н. К., В. А.) была благополучно забыта отечественной теорией права, которая считала, что здесь уже все сказано» (Синюков 2020, 8), из данного наблюдения есть исключения, и одно из них представлено как раз петербургской школой философии права. Взгляд на труды П. П. Серкова с точки зрения данной школы особенно интересен в свете того обстоятельства, что труды автора не абстрактны по отношению к контексту идей, высказываемых в современных научных школах России: раскрывая свои идеи, особенно в гл. 1 «Нравственность и правовое регулирование», П. П. Серков полемизирует со многими авторами, в том числе с А. В. Поляковым, видным представителем петербургской школы философии права, к заслугам которого относится разработка антрополого-коммуникативной теории права, ориентированной на применение интегральной методологии.

Общий тезис настоящей статьи заключается в следующем: при чтении работы П. П. Серкова создается впечатление, что автор находится в противоречии со взглядами А. В. Полякова и даже в каких-то аспектах отвергает коммуникативную (антрополого-коммуникативную) концепцию права. Это происходит из-за того, что в связи с рядом ключевых системообразующих понятий (мораль, нравственность, субъект права, правопонимание, правосознание и др.) автор монографии в качестве основного полемического источника использует опубликованный в 2004 г. курс лекций А. В. Полякова, профессора кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, видного представителя петербургской школы, разработчика антрополого-коммуникативного подхода в теории и философии права (Поляков 2004). Подробнее каждый из этих примеров будет рассмотрен далее. На первый взгляд может показаться, что здесь есть противоречие. Вместе с тем мы исходим из того, что курс лекций А. В. Полякова не претендовал на полноту освещения именно того специального предмета, который лежит в основе монографии П. П. Серкова, и при этом коммуникативная концепция права также проделала большой путь с 2004 г.; она освещена, развита и детализирована в самых разных направлениях в последующих публикациях

самого А. В. Полякова, его учеников и коллег. С учетом тех тектонических изменений, которые происходят в общественном сознании в наши дни, например, тот же курс «Проблемы философии права», который А. В. Поляков читает в магистратуре Санкт-Петербургского государственного университета, на данный момент в значительной степени сосредоточен на проблеме ценностей в праве (включая анализ традиционных российских духовно-нравственных ценностей) и на использовании методологического потенциала нейронаук, что само по себе сближает позиции двух авторов. Помимо этого, у читателей, не вовлеченных в полемику непосредственно, к числу которых относятся и авторы настоящей статьи, возникает гипотеза, согласно которой позиции авторов по многим вопросам очень близки, и они говорят об одном и том же, но смотрят на предмет под разными углами зрения и преследуют разные исследовательские задачи. Значительным подспорьем в обосновании такой точки зрения выступают последние публикации в области коммуникативной концепции права, отражающие последние 19 лет ее развития на кафедре теории и истории государства и права и на других кафедрах Санкт-Петербургского государственного университета.

Как будет показано далее, по сути, ключевые аспекты полемики, отраженные на страницах книги П. П. Серкова «Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования)», связаны с определением подходов к соотношению права и морали (нравственности) как своего рода нормативных систем, представлений о роли субъекта права в правовой системе, а также значении коммуникации, в частности взаимного правового признания. Остановимся на этих трех основных направлениях как главных, позволяющих высветить основные грани полемики.

2.2. Право, мораль и нравственность

Начало дискуссии предваряет рассуждение автора относительно соотношения права и нравственности. П. П. Серков подчеркивает, что «при *совокупной* (здесь и далее, если не указано иное, выделено П. П. Серковым. — Н. К., В. А.) оценке приведенных рассуждений (о праве и нравственности — или морали — в целом. — Н. К., В. А.) возникают неясности следующего плана. В первом случае говорится, что “наряду с правом в цивилизованном обществе действуют *другие социальные нормы*: нормы нравственности, обычаи, нормы общественных организаций, религиозные ритуалы, заповеди и предписания”; во втором — что мораль поставлена на первое место, ибо она “по сравнению с правом предъявляет к человеку *более высокие требования*” и выступает как *критерий оценки права*”; в третьем — что “мораль и право в своем происхождении *едины*”, но “право, основываясь на морали, *тем не менее выходит за его пределы, не совпадает с ним*” (Серков 2020, 49). В этих известных посылах автора закономерно не устраивает отсутствие «четкости и определенности при установлении сущности и места морали и нравственности относительно права в аспектах соотношения целого и части, первичного и вторичного», притом что «лишены конкретики и правильные по своей сути доводы о влиянии морали и нравственности на результативность правового регулирования» (Серков 2020, 49).

В свете данной дискуссии автор критикует общие замечания относительно морали и нравственности, сделанные А. В. Поляковым по итогам обзора сужде-

ний В. С. Соловьева, П. И. Новгородцева, Е. Н. Трубецкого, Б. А. Кистяковского, отмечая, что А. В. Поляков «право ставит перед нравственностью» (Серков 2020, 57), и при этом неясной представляется позиция критикуемого автора относительно соотношения понятий морали и нравственности: «Весьма объемные доводы А. В. Полякова предстают неоднозначными в той части, что все обозначенные выше авторы для своих умозаключений используют категорию нравственности. Однако сам он исходит из дуалистических представлений, говоря о моральных нормах и нравственности. По его мнению, “есть основания для различия не только права и морали, но также права и нравственности. Ближе всего к разрешению этой проблемы подошел, на наш взгляд, Л. И. Петражицкий” (Поляков 2004, 363–364)» (Серков 2020, 59), и далее «в результате получилась неясная логическая конструкция, когда “в нравственности значимо *внешнее поведение*” и в “праве значимо *внешнее поведение*” (Поляков 2004, 377–379). При этом если нравственности сопутствуют “соответствующие внутренние мотивы”, то “в праве” “внутренние мотивы интересуют постольку, поскольку могут прояснить внешнее поведение”. Напрашивается вывод, что в нравственности, всегда проявляющейся во внешнем поведении, “внутренние мотивы” не “могут прояснить внешнее поведение”. С этим в принципе нельзя согласиться. Неоднозначность проявляется не только в том, что “прояснение внешнего поведения” образно тяготеет к осуществлению правовой квалификации *совершенного субъективного поведения*. Это при том, что мораль и религиозную нравственность автор позиционирует в качестве одного из “важнейших факторов воздействия на *формирующееся право*”» (Серков 2020, 60).

Здесь мы должны признать, что дуалистический подход, предполагающий разделение морали и нравственности в контексте правовых исследований, действительно может быть уязвим для критики, хотя из той критики, которой его можно подвергнуть, на наш взгляд, не следуют как отдельные частные выводы (например, о предполагаемой исторической первичности права по отношению морали в коммуникативной концепции права — полагаем, данная концепция этого не утверждает или, по крайней мере, это не является ее необходимым элементом), так и общий подразумеваемый вывод о том, что концепция А. В. Полякова не способствует развитию того предмета, о котором пишет П. П. Серков. Здесь и далее в качестве точки отсчета мы возьмем «дидактическое» изложение коммуникативной концепции права в редакции А. В. Полякова и Е. В. Тимошиной, которой действительно характерно представление и о дуализме морали и нравственности, и о правовом плюрализме (Поляков, Тимошина 2017, 79). Методологической основой такого подхода в самом общем виде выступают взгляды Л. И. Петражицкого (красной нитью проходящие и через работы П. П. Серкова), согласно которым право должно относиться к «императивно-атрибутивным» феноменам, предполагая наличие лица, в отношении которого переживается долженствование и которое встречным образом переживает возможность потребовать реализации такого долженствования, а мораль — к «императивным», без данного «атрибутивного» элемента. С учетом данных обстоятельств, реальной теоретической проблемой, которая возникает в коммуникативной теории права, в данном разрезе является не столько проблема соотношения права, с одной стороны, и морали и нравственности — с другой (как это будет показано далее), а проблема соотношения нравственности и так назы-

ваемого социального права, особенно «децентрализованного социального права», к которому в коммуникативной концепции права обычно относится и «неофициальное семейное право» (Поляков, Тимошина 2017, 82).

Далее, рассматривая проблематику правовых норм, а не видов права, авторы подчеркивают, что «*моральные, нравственные и технические* (не имеющие правового значения) нормы отличаются от правовых тем, что они налагают на человека определенные *обязанности* (делать или не делать что-либо), но никому не предоставляют права требовать их безусловного выполнения. Так, человек, подавая милостыню нуждающемуся, исполняет моральную обязанность. При этом моральная норма не наделяет нуждающегося правом требовать милостыню от подающего и в случае неисполнения им данной моральной обязанности — принуждать к ее исполнению. Нравственная норма, например норма этикета, обязывает всех взрослых людей, находящихся в обществе, использовать во время еды столовые приборы. Но данная норма никому не предоставляет права требовать исполнения этой обязанности от других. Поэтому ее неисполнение может вызвать отвращение, нежелание общаться в таком человеком или какие-либо иные аналогичные последствия, но не предполагает совершения принудительных действий, направленных на ее обеспечение. В отличие от норм морали, нравственности и целесообразности, правовая норма всегда предоставляет субъекту право требовать от другого лица исполнения обязанностей. Таким образом, нормы *морали, нравственности и целесообразности* имеют *односторонне обязывающий характер*; правовые нормы имеют *двусторонний, представительно-обязывающий характер*. Однако характер обязывания различен: в моральных нормах имеет место внутреннее самообязывание, в нормах нравов — внешнее обязывание, в правилах целесообразности субъект возлагает на себя обязанность с целью достичь определенного практического результата» (Поляков, Тимошина 2017, 229).

В свете приведенной цитаты можно возразить: с точки зрения реальных фактов социальной жизни то, что в приведенном фрагменте называется «нормой этикета» и относится к нравственным нормам, в действительности может интерпретироваться как нечто, предоставляющее право требовать исполнения этой обязанности от других и даже совершать действия, направленные на принуждение к соблюдению нормы. Однако, поскольку монополией на физическое принуждение обладает государство, за такого рода нормами сохраняется лишь возможность психологического принуждения, например в виде исключения из коммуникации (которая сама по себе представляет собой ценность, объединяющую труды П. П. Серкова и авторов-коммуникативистов). Полагаем, что данное противоречие можно разрешить, обратившись к представлениям о значении языка для результатов познания в рамках постклассической научной рациональности. Мы можем сказать, что коммуникативная концепция права предлагает свою теоретическую модель правовой действительности, выраженную в естественном языке. В рамках этой модели термин «право» (в значении как государственно-организованного, так и социального права) *прескриптивно* используется лишь для описания императивно-атрибутивных отношений, тогда как все иные отношения будут относиться, соответственно, к категориям морали или нравственности (формально различаемым по критерию внешнего или внутреннего обязывания). При таком подходе все те нормативные системы, в которых возможно лишь психическое принуждение, вы-

текающее из «атрибутивного» элемента отношений, который институционализирован (т. е. в обществе сложился социальный институт, в соответствии с которым кто-либо может быть, например, «наказан» посредством экскоммуникации со стороны других членов общества, переживающих соответствующие «атрибутивные» эмоции), будут называться «правовыми», относящимися к «социальному праву», а не к системам «нравственности» или «нравов». В то же время в обыденном языке такого рода системы будут называться системами нравственности. Таким образом, по существу, на наш взгляд, противоречие отсутствует.

Также коммуникативная концепция права имеет большой потенциал переосмысления и развития представлений о нравственности в свете институционализации практик так называемой культуры отмены. Данные практики, влекущие серьезные последствия не только репутационного, но и формально-юридического характера, приводят к переосмыслению в рамках коммуникативной концепции той идеи, что «сила общественного мнения» не может рассматриваться как разновидность психологического принуждения в правовом смысле. Авторы ранее отмечали, что «*нравственные нормы, или нормы нравов, представляют собой обязывающие правила поведения, сложившиеся в конкретном обществе, соблюдение которых поддерживается силой общественного мнения*» (Поляков, Тимошина 2017, 228). Если до институционализации практик «культуры отмены» пространство для дискуссии было больше, то в современных условиях может быть поставлен вопрос о рассмотрении данных практик как квази- (или прото-) правовых по критерию применения такого вида принуждения, который безусловно ведет к социально значимым последствиям.

Далее, анализируя значение морали для права, П. П. Серков подчеркивает, что, «исходя из значимости, придаваемой морали и нравственности, рационально учитывать точки зрения, высказанные исследователями отраслевого правового регулирования» (Серков 2020, 49). Он обращает внимание на идеи цивилистов, согласно которым в гражданском праве задача нравственности заключается в установлении пределов осуществления субъективных гражданских прав, хотя при этом «быть нравственным» не может рассматриваться в качестве универсального требования закона (Серков 2020, 50). В свою очередь, «нравственный аспект трудового права проявляется в том, что нормы указанной отрасли обеспечивают меру социальной справедливости и свободы в сфере труда, реализацию и защиту признанных мировым сообществом экономических и социальных прав человека» (Серков 2020, 51). Нравственность находит место и в административном праве (Серков 2020, 53). В свою очередь, в § 6 «Нравственность как производное морали», в гл. 1 «Нравственность и правовое регулирование» он отмечает, что «категория нравственности как результат моральных коллективных усилий многих поколений несет нагрузку общественного продукта, привносящего в межличностное общение благополучие. Нравственность укрепляет субъективное психологическое самочувствие и сближает субъектов межличностного общения, объединяя их в социум. Она служит *фундаментальной основой для принятия, признания и исполнения идейного содержания правовых норм, вводимых государством*» (Серков 2020, 178).

В гл. 2 «Нравственность конституционно-правового регулирования» П. П. Серков отмечает, что «соотношение нравственное/безнравственное пронизывает все варианты межличностного общения на субъективном и публичном уровне. При

этом достигается компромисс субъективных интересов или происходит их противостояние. Здесь *объективно* не может быть покоя и однажды достигнутого результата. Во исполнение родовой обязанности обеспечения субъективного и социального благополучия государство каждый день должно заниматься нравственными делами. При обсуждении структуры государственной власти говорилось о том, что наделение государства родовой обязанностью влечет наделение его правом для ее исполнения. Соответственно, неотъемлемость обязанности и права у государства в механизме конституционных правоотношений предопределяет для его создателей, т. е. для каждого члена общества, также неразрывность права и обязанности. Иначе *ценность* общественного договора, о котором немало написано, окажется эфемерной. Таким образом, у государства нет иных *организационных* вариантов для оправдания доверия граждан, своих суверенов, кроме как принимать все меры по предотвращению безнравственности в виде противоправных действий (бездействия)» (Серков 2020, 219).

В данных аспектах позиции, представленные П. П. Серковым, и позиции представителей коммуникативной теории права, как нам кажется, в принципе во многом совпадают по существу. «Все правовые ценности находятся в пространстве правовой коммуникации, — пишут А. В. Поляков и Е. В. Тимошина. — Но поскольку правовая коммуникация возникает между субъектами — носителями и интерпретаторами правового смысла, — именно человек представляет собой... по выражению Ж.-П. Сартра, “бесосновную основу ценностей”» (Поляков, Тимошина 2017, 93), при этом «право есть явление культуры и всегда воплощает в себе существующие культурные ценности, которые, “преломляясь” сквозь структуру права, становятся ценностями правовыми. *Социокультурные правовые ценности* — это те ценности, содержание которых *отражает особенности социокультурного развития конкретного общества*» (Поляков, Тимошина 2017, 96). В коммуникативной концепции права, которая реализует одну из методологических стратегий интегральной юриспруденции, ценности не оказываются «выброшены за борт» «чистого учения о праве» — у тех же правовых норм, помимо логической структуры, постулируется наличие ценностного содержания. Иной подход был бы странным для теории права, в которой право признается психосоциокультурной коммуникативной системой, и с учетом этого между рассматриваемыми подходами мы видим больше сходств, чем противоречий.

2.3. Субъект права

Несмотря на очевидно полемический характер тех разделов монографии, в которых автор анализирует природу морали и нравственности, сложно не отметить, что в центре той правовой картины мира, которую представляет на страницах своей книги П. П. Серков, находится не что иное, как субъект во всей полноте смысла этого слова, и именно это позволяет установить сходство между соответствующими методологическими подходами. «*Каждый механизм индивидуальных конституционных правоотношений не является даже частично свободным от чувств, эмоций и мотивов, выражающих субъективные потребности, а также публичного идейного содержания соответствующей совокупности конституционных правовых норм. Их идейная конкретика, выраженная в содержании признаков, критериев*

риев и параметров, предусмотренных правовыми нормами, информативно передается и воспринимается человеком. Они же, по существу, управляют человеком в восприятии названного содержания, а также подчинении или неподчинении государственному психическому принуждению правовых норм как в исполнительском, так и правосудном сегментах. Естественным предстает их непосредственное влияние на результаты межличностного общения» (Серков 2020, 325). Более того, «такая объективность естественности чувств, эмоций и мотивов в каждом механизме названных правоотношений позволяет выявить весьма удивительное сочетание, условно говоря, “мягкого” и “твердого”. Речь идет о том, что чувства, эмоции и мотивы, неотъемлемо одушевляющие сознание и психику каждого человека, могут хаотично менять свое содержание (“мягкое”). Вместе с тем они же одновременно устойчиво сопрягаются с неизменной конструкцией механизма правоотношений (“твердое”» (Серков 2020, 325).

Нравственность — «реальное воплощение морали как атрибута сознания и психики», конституционная нравственность — результат коллективных и скоординированных усилий человека (Серков 2020, 325–326). В подходе автора можно проследить закономерные параллели между отдельными ключевыми концепциями, характерными для антрополого-коммуникативного подхода в теории права, в частности признание субъекта со всей полнотой его качеств одним из центральных элементов правовой картины мира, представление о предоставительно-обязывающем («императивно-атрибутивном») характере правовых норм, значении информации и коммуникации для конституирования правовой действительности и, наконец, соответствие представления о «взаимности и паритетности межличностного общения» представлению о «взаимном правовом признании». Критикуя «формально-юридическое» понятие субъекта права, автор отмечает: «В следующую очередь обращает на себя внимание, что в приведенной характеристике речь идет о живом человеке. В то же время он необъяснимо лишен даже намека на внутреннюю жизнь в чувствах, эмоциях и мотивах, их постоянные изменения. Неслучайно ценность категории субъекта права общепринято признается без доказывания системной детализации ее роли в юридическом “творчестве” по упорядочиванию межличностного общения. Можно лишь догадываться о логике научных умозаключений, которые привели к таким выводам» (Серков 2020, 546). Далее автор заключает, что «в механизме правоотношений в ракурсе нравственных контекстов содержится ровно столько сугубо механической составляющей, сколько ее требуется для определения границ правомерного поведения каждого из субъектов. Неизбежно каждый из элементов обязательно наполнен чувствами и эмоциями и продуцирует те или иные мотивы при совершении надлежащих/не надлежащих действий (бездействия)» (Серков 2020, 551).

Подчеркнем, что коммуникативная концепция права также настаивает на том, что в центре правовой картины мира находится субъект как живой человек. Этот момент, однако, неоднозначно оценивается в работе П. П. Серкова. Мы не можем согласиться со следующей характеристикой: «Таким образом, надо полагать, что понимание правосубъектности включает в себя категории субъекта права и [субъективного права]. В то же время определение абсолютно не затрагивает субъекта правоотношений. Отсюда напрашивается вывод, что “активный правовой деятель” соотносит “свое поведение с принадлежащими ему правами и обязанностями»

ми» не в формате правоотношений. Тем самым снова локально подтверждается, что существование правоотношений в целом признается, но не сопровождается уяснением внутренней *взаимобусловленности* тех же субъективных прав и обязанностей. Констатация имеющейся здесь динамики общепринятого затрагивает лишь поверхностный, видимый «слой», как следствие, сложившиеся взгляды не получают прикладной нагрузки» (Серков 2020, 552). Но в современной редакции коммуникативной теории ситуация обратная! Определение субъекта права не затрагивает субъекта правоотношений только на первый взгляд. Дело в том, что в теоретической модели коммуникативной концепции права в принципе невозможно быть субъектом права и не быть субъектом правовых отношений, и наоборот, и это утверждение находит свое обоснование в представлении о так называемых общих правоотношениях (к числу которых в первую очередь как раз и относятся правоотношения по поводу правосубъектности), и без учета данного обстоятельства невозможно полностью оценить значение субъекта права в коммуникативной концепции права. Собственно, одним из центральных тезисов коммуникативной концепции права и является тезис о том, что «активный правовой деятель» может соотносить «свое поведение с принадлежащими ему правами и обязанностями» *только* в формате правоотношений, причем взаимобусловленность субъективных прав и обязанностей — это также один из главных и «сквозных тезисов» коммуникативной концепции права.

В коммуникативной концепции права «понятие субъекта правового отношения (субъекта актуальной правовой коммуникации) тесно связано с понятием субъекта права... с позиций коммуникативного подхода невозможно быть субъектом права, не будучи субъектом правоотношений, и наоборот. *Субъектами* правовых отношений являются лица, выступающие в качестве носителей предусмотренных правовой нормой субъективных прав и обязанностей и соотносящие с ними свое поведение» (Поляков, Тимошина 2017, 263). Более того, «1) Право конструирует, конституирует и регулирует отношения между людьми. Никакое явление, не имеющее отношение к человеку и его поведению, не может называться правом; 2) Регулировать можно только то, что способно к такому регулированию, т. е. обладает способностью к личностному и деятельному существованию — разумностью, свободой воли. Разумность репрезентирует себя через знаково-символические системы. Это означает, что право возможно только как коммуникативная система, определяющая отношения между субъектами. Право не существует между объектами — например, предметами материального мира, но право существует между субъектами по поводу объектов материального мира» (Поляков 2016, 304–305). В рамках коммуникативного подхода разумность такого рода не интерпретируется как качество, исключающее эмоциональную и нравственную составляющие, о которых пишет П. П. Серков, или противоречащее им; напротив, правовая действительность анализируется с точки зрения субъекта, наделенного способностью выносить моральные суждения, интерпретировать и воспринимать социально значимые смыслы.

Отдельно упомянем и наблюдение П. П. Серкова относительно того, что «ссылки на психологическую теорию Л. И. Петражицкого не являются показательными. Современная ее актуализация *не сопровождается консолидацией с современной психологической наукой*» (Серков 2020, 107). Как раз сейчас исследования, осу-

ществляемые в коллективе юридического факультета и в первую очередь на кафедре теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета в развитие коммуникативной концепции права, ориентированы на интеграцию в правовой дискурс достижений современных когнитивных наук. Данный комментарий мы оставляем в качестве подтверждения того, что позиции, высказываемые в современной теории, сближаются и что многие ученые, действуя независимо, приходят к похожим выводам; это косвенно указывает как минимум на методологический потенциал таких выводов.

2.4. Взаимное правовое признание

Наконец, один из самых интересных аспектов полемики связан с представлениями П. П. Серкова о «принципах взаимности и паритетности», с одной стороны, и современной редакции коммуникативной концепции права о взаимном правовом признании — с другой. По словам П. П. Серкова, «принципами взаимности и паритетности напитано идейное содержание правовых норм. Они же оправдывают государственное психическое принуждение этих норм. Как следствие, надлежащее соблюдение идейного содержания и подчинение указанному принуждению служит не только юридической, но и в первую очередь нравственной обязанностью. При этом не имеет значения, о каком сегменте механизма конституционных правоотношений идет речь» (Серков 2020, 230).

Далее указывается: «Раздельное рассмотрение трех сегментов механизма индивидуальных конституционных правоотношений показывает, что каждому из них неотъемлемо присуще состояние *нравственных* принципов взаимности и паритетности межличностного общения. Эти принципы не идеализируют человека, а, напротив, отражают необходимость соблюдения *никогда не прекращающегося* субъективного и социального психологического баланса субъективных прав и обязанностей» (Серков 2020, 320). И также: «Выявление указанных принципов на уровне конституционного регулирования позволяет полагать, что *упорядочивание* межличностного общения мерами правового регулирования *изначально* ограничивает субъективные свободы. Это означает, что идейное содержание конституционных норм выступает *основой* такого ограничения, хотя и предусматривает положение о свободах. Особо следует подчеркнуть, что российское общество сделало это всенародным голосованием. Надо полагать, оно понимает, что неограниченные субъективные свободы не являются гарантированными средствами для обеспечения субъективного спокойствия и благополучия каждого из всех» (Серков 2020, 320). Автор предельно конкретен в описании следствий такого подхода: «Например, факты безнравственности действий (бездействия) есть проявление субъективной свободы, но и *одновременно* злоупотребление правом. В его характеристике, как правило, отсутствует *системная конкретика* признаков, критериев и параметров. В результате доводы не во всем корреспондируют *реальным* событиям и ситуациям. Обращает на себя внимание то, что они не связывают злоупотребление правом как негативное явление с той же свободой воли. Естественно, что и добросовестность не наполняется сугубо юридической идентичностью. Соответственно, *юридические* процессы мимикрии недобросовестности остаются малоосвещенными. Как показывает анализ механизма правоотношений, эта сторона безнравственных

действий (бездействия) поддается прояснению. Происходит это в первую очередь потому, что в аналитике не используется субъективная обязанность. В итоге злоупотребление правом существует как бы *само по себе*» (Серков 2020, 320).

Рассматривая проблему взаимности и паритетности в различных «сегментах», которые автор выделяет в своих работах, он также отмечает: «В исполнительском сегменте обозначенные взаимность и паритетность предназначаются для реального использования в каждом акте межличностного общения. В случае отступления от названных принципов возникает конфликт. Поэтому в правосудном сегменте не защищаются субъективные интересы или свободы, как это утверждается, а проверяется, имело ли место нарушение взаимности и паритетности прав и обязанностей при материализации субъективных потребностей-целей. Иными словами, нравственное понимание законодательной взаимности и паритетности упорядочивает нравственное понимание исполнительской взаимности и паритетности. В свою очередь, понимание взаимности и паритетности в каждом из двух сегментов может корректироваться логикой правосудной взаимности и паритетности. А по сути, речь идет об одной и той же взаимности и паритетности, но организационно распределенной по трем сегментам» (Серков 2020, 381).

Полагаем, можно усмотреть определенные параллели между той «взаимностью и паритетностью», о которой пишет автор, и принципом взаимного правового признания, на котором коммуникативная концепция права акцентирует внимание последние годы, хотя идея, согласно которой необходимым качеством субъектности является возможность «признавать таким же субъектом любого другого» (Максимов 2016, 54), уже давно включена в контур дискуссий вокруг коммуникативной концепции права, но речь при этом идет о современной интерпретации. Сам А. В. Поляков связывает данную концепцию с истоками отечественной правовой мысли, отмечая вклад В. С. Соловьева и И. А. Ильина: «[Они] очень близко подошли к обоснованию (каждый на свой манер) того важнейшего правового принципа, который я называю принципом взаимного правового признания (принципом взаимного признания правосубъектности)» (Поляков 2021, 42). Данные авторы опирались на естественно-правовой принцип достоинства человеческой личности и взаимного признания. «Соловьев и Ильин объясняли связь между справедливостью, свободой и равенством в единстве с такими, не менее важными правовыми и нравственными ценностями, как ответственность и солидарность, давая таким образом обоснование и тому, что сегодня называется правами и свободами человека и гражданина» (Поляков 2021, 42). Но современная интерпретация принципа взаимного правового признания, которую предлагает А. В. Поляков, может опираться и на «постклассическую феноменолого-коммуникативную методологию, позволяющую рассматривать право не как систему установленных государством норм, а как систему коммуникативных отношений, в которых право рождается из интерпретации и легитимации *ценностно значимых* (выделено нами. — Н. К., В. А.) (общезначимых и общеобязательных) текстов в интересубъективном сознании коммуникантов и последующем их нормативном взаимодействии на основе субъективных прав и правовых обязанностей» (Поляков 2021, 42). После подробного анализа основного принципа нравственности и основного принципа права по учению В. С. Соловьева, а также принципа взаимного духовного признания как основного принципа права по учению И. А. Ильина — в том ключе, который не про-

тиворечит, а весьма созвучен направленности исследования П. П. Серкова, — автор подчеркивает: «Являясь основой права и правопорядка, коммуникативный принцип взаимного правового признания выступает и как основной принцип справедливости права. Можно согласиться с Г. Кельзенем в том, что справедливость есть соответствие некоей норме, которая предусматривает определенное поведение, т. е. устанавливает его в качестве должного. При этом такое поведение состоит “в обращении с другими людьми”. Этим критериям вполне соответствует принцип взаимного правового признания, при этом данный принцип необходимо рассматривается как высший, т. е. определяющий собой и справедливость выводимых из него принципов. Поэтому право справедливо в той мере, в которой оно следует принципу взаимного правового признания, в какой оно его развивает и реализует» (Поляков 2021, 86).

В одной из своих недавних работ, в которой анализ принципа взаимного правового признания включает в себя уже учет достижений современных когнитивных (нейро-)наук, А. В. Поляков отмечает: «Взаимное признание (в отличие от признания в среде приматов или других социальных животных) имеет сложную структуру. Оно формируется первоначально (в ходе эволюционного развития человека и общества) на подсознательном (бессознательном, интуитивном), эмоциональном уровне, но позже — и на уровне сознательном, рациональном. На эмоциональном уровне признание проявляется в виде эмпатии. Эмпатию сопровождают доверие, дружба и любовь. Высшая степень эмпатии — любовь... Признание на высшем уровне социальной эмпатии можно рассматривать как практическую реализацию евангельской заповеди, предписывающей любить ближнего как самого себя (Мф 22:37–39). Признание на рациональном уровне действует через осознание границ между возможным и дозволенным в отношениях между людьми и предполагает взаимность (соединение ценностей эгоизма и альтруизма и диалогичность). Такое признание является естественным основанием (предпосылкой и трансцендентальным условием) для возникновения прав и обязанностей каждого человека по отношению к себе и другим людям и для реального взаимодействия на этой основе. Здесь доминирует идея равенства в свободе и ответственности за сохранение достоинства друг друга (солидарность)» (Поляков 2023, 151). Такова одна из самых важных и актуальных граней современной коммуникативной концепции права.

3. Выводы

Проанализированные книги П. П. Серкова, помимо академических достоинств, ценны и интересны еще по двум основаниям.

Во-первых, в них поднимаются вопросы, соответствующие наиболее острым и востребованным областям применения концепций философии права — областям, связанным с определением ценностных стратегий выбора и аргументации в правоприменении и правотворчестве, которые в современных условиях актуализируются в контексте приоритета сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей. К числу таковых, согласно Основам государственной политики, относятся достоинство, права и свободы человека, высокие нравственные идеалы, гуманизм, милосердие и справедливость.

Во-вторых, данные вопросы рассматриваются в них энциклопедично и полемично. Причем в полемику вовлекаются как представители других теоретических и философско-правовых школ, так и представители иных научных направлений, причем не только социально-гуманитарных. Для Санкт-Петербургского государственного университета особенно важно развитие полемики с петербургской школой философии права в первой из проанализированных книг П. П. Серкова, что позволяет отточить тезисы и аргументы обеих сторон, но главное — увидеть, что при всех возможных различиях, по существу, речь идет о похожих представлениях, характеризующих нравственное измерение права и столь востребованных в наши дни.

Так, мораль и нравственность (какими бы ни были расхождения в описывающих их теоретических моделях) представляют собой одно из необходимых условий для действия права, субъект права — не формальная категория, а понятие, описывающее социального деятеля, наделенного свободой и ответственностью, разумом, волей и эмоциями; наконец, отметим общее представление, которое в своей основе может быть интерпретировано исходя как из концепции «взаимности и паритетности» (П. П. Серков), так и из концепции «взаимного правового признания» (А. В. Поляков). Данные параллели ценны и с точки зрения методологии науки, и с точки зрения тех ценностных аспектов самой теории права, которые лежат в основе взглядов обеих сторон и связаны с заботой и ответственностью по отношению к отечественной системе права.

Библиография

- Архипов, Владислав В. 2005. «Предисловие переводчика. Г. Л. А. Харт. Позитивизм и разграничение права и морали». *Правоведение* 5 (262): 102–104.
- Булыгин, Евгений В. 2016а. «Мое видение рациональности права». Евгений Викторович Булыгин. *Избранные работы по теории и философии права*, 11–17. СПб.: Алеф-Пресс.
- Булыгин, Евгений В. 2016б. «Что такое правовой позитивизм?» Евгений Викторович Булыгин. *Избранные работы по теории и философии права*, 28–41. СПб.: Алеф-Пресс.
- Кропачев, Николай М., Владислав В. Архипов. 2023. «Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2 (14): 294–306.
- Максимов, Сергей И. 2016. «Концепция правовой реальности». *Постклассическая онтология права*, 23–59. СПб.: Алетейя.
- Поляков, Андрей В. 2004. *Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода*. СПб.: Изд. дом С.-Петербурб. ун-та.
- Поляков, Андрей В. 2016. «Права человека и суверенитет государства». *Постклассическая онтология права*, 295–324. СПб.: Алетейя.
- Поляков, Андрей В., Елена В. Тимошина. 2017. *Общая теория права*. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет.
- Поляков, Андрей В. 2021. «Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву». *Труды Института государства и права РАН* 6 (16): 39–101.
- Поляков, Андрей В. 2023. «Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста)». *Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы*, 29–157. СПб.: Алетейя.
- Серков, Петр П. 2020. *Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования)*. М.: Норма.

- Серков, Петр П. 2023а. *Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики)*. В 2 ч. Ч. 1: *Правовая доктрина и меры правовой политики*. М.: Норма.
- Серков, Петр П. 2023б. *Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики)*. В 2 ч. Ч. 2: *Обобщение юридических опытов восхождения к человеку, обществу и государству*. М.: Норма.
- Синюков, Владимир Н. 2020. «Предисловие. Глазами теоретика правового регулирования (В. Н. Синюков)». *Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования)*, 7–15. М.: Норма.

Статья поступила в редакцию 13 ноября 2023 г.;
рекомендована к печати 20 ноября 2023 г.

Контактная информация:

Кропачев Николай Михайлович — д-р юрид. наук, проф., член-корр. РАН; n.kropachev@spbu.ru
Архипов Владислав Владимирович — д-р юрид. наук, проф.; v.arhipov@spbu.ru

Values in the moral dimension of law: The dispute with A. V. Polyakov in the works of P. P. Serkov — view of the Petersburg school

N. M. Kropachev, V. V. Arkhipov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Kropachev, Nikolay M., Vladislav V. Arkhipov. 2023. “Values in the moral dimension of law: The dispute with A. V. Polyakov in the works of P. P. Serkov — view of the Petersburg school”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 854–871. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.402> (In Russian)

The article presents a general characterization of three monographs by professor Peter Pavlovich Serkov — “Legal relationship (Morality of modern legal regulation)”, “Legal relationship (Theory and practice of modern legal policy). Part one: legal doctrine and measures of legal policy” and “Legal relationship (Theory and practice of modern legal policy). Part Two: Generalization of legal experiences of ascent to human, society and state” — and the analysis of some key provisions of the first of these monographs is presented, taking into account the polemics with the Petersburg school of philosophy of law, represented by A. V. Polyakov’s communicative approach to law, which is expressed on the pages of these monographs. The authors emphasize that the problem of the correlation between law and morality is a key problem of both legal theory and legal practice. This issue is particularly relevant in light of the goals and objectives defined by the Fundamentals of State Policy on Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values, approved by Presidential Decree No. 809 of 09.11.2022. Moral and ethical values should be taken into account in the processes of creating legal rules, applying legal rules, interpreting the law precisely because the value aspect in the law, expressed in its moral dimension, is an integral part of the law itself or a necessary condition for its existence and functioning — this idea unites the works of both professor P. P. Serkov and professor A. V. Polyakov. And, moreover, despite the criticism targeted at A. V. Polyakov as presented in the monograph of P. P. Serkov, in view of the authors of this article, one can see more similarities between the positions of the authors than differences — this applies to the general methodology and individual provisions, relating, first of all, to the ideas about the importance of morality (morality) for the legal system, the subject of law, the principle of mutual legal recognition.

Keywords: law, morality, ethics, values, theory of law, philosophy of law, communicative theory of law.

References

- Arkhipov, Vladislav V. 2005. "Introduction of the translator. H. L. A. Hart. Positivism and separation of law and morals". *Pravovedenie* 5 (262): 102–104. (In Russian)
- Bulygin, Evgenii V. 2016a. "My view of rationality of law". *Evgenii Viktorovich Bulygin. Izbrannye raboty po teorii i filosofii prava*, 11–17. St. Petersburg, Alef-Press. (In Russian)
- Bulygin, Evgenii V. 2016b. "What is legal positivism?" *Evgenii Viktorovich Bulygin. Izbrannye raboty po teorii i filosofii prava*, 28–41. St. Petersburg, Alef-Press. (In Russian)
- Kropachev, Nikolai M., Vladislav V. Arkhipov. 2023. "Traditional spiritual and moral values in the context of digital transformation of society: Aspects of legal theory". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2 (14): 294–306. (In Russian)
- Maksimov, Sergei I. 2016. "The concept of legal reality". *Postklassicheskaiia ontologiiia prava*, 23–59. St. Petersburg, Aleteiia Publ. (In Russian)
- Poliakov, Andrei V. 2004. *General theory of law: The problems of interpretation in the context of the communicative approach*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press. (In Russian)
- Poliakov, Andrei V. 2016. "Human rights and state sovereignty". *Postklassicheskaiia ontologiiia prava*, 295–324. St. Petersburg, Aleteiia Publ. (In Russian)
- Poliakov, Andrei V., Elena V. Timoshina. 2017. *General theory of law*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press. (In Russian)
- Poliakov, Andrei V. 2021. "The principle of mutual legal recognition: Russian philosophical and legal tradition and communicative approach to law". *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* 6 (16): 39–101. (In Russian)
- Poliakov, Andrei V. 2023. "Postclassic jurisprudence, evolution theory and neuroscience (confession of a communication scholar)". *Postklassicheskie issledovaniia prava: perspektivy nauchno-prakticheskoi programmy*, 29–157. St. Petersburg, Aleteiia Publ. (In Russian)
- Serkov, Petr P. 2020. *Legal relationship (Morality of the modern legal regulation)*. Moscow, Norma Publ. (In Russian)
- Serkov, Petr P. 2023a. *Legal relationship (Theory and practice of modern legal policy)*. In 2 parts, part 1: *Legal doctrine and the measures of legal policy*. Moscow, Norma Publ. (In Russian)
- Serkov, Petr P. 2023b. *Legal relationship (Theory and practice of modern legal policy)*. In 2 parts, part 2: *Generalization of the legal experience of ascent to human, society and state*. Moscow, Norma Publ. (In Russian)
- Siniukov, Vladimir N. 2020. "Foreword. Through the eyes of the theorist of legal regulation (V. N. Siniukov)". *Legal relationship (Morality of modern legal regulation)*, 7–15. Moscow, Norma Publ. (In Russian)

Received: November 13, 2023

Accepted: November 20, 2023

Authors' information:

Nikolay M. Kropachev — Dr. Sci. in Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; n.kropachev@spbu.ru

Vladislav V. Arkhipov — Dr. Sci. in Law, Professor; v.arkhipov@spbu.ru